

Семен Юшкевич

Ночная бабочка

Семен Юшкевич

Ночная бабочка

«Public Domain»

1922

Юшкевич С. С.

Ночная бабочка / С. С. Юшкевич — «Public Domain», 1922

«В сущности, было два Владимира Петровича. Один, которого знали товарищи, просто знакомые, возлюбленные, был приятный Владимир Петрович, Володя, с ровным характером, лет тридцати пяти, с карими хорошими глазами, с густыми, каштановыми усами и полными, вкусными губами. Другой Владимир Петрович был очень мало похож на первого. Другой, в отличие от внешнего Владимира Петровича, был всегда тоскующий, дикомнительный, испуганный человек...»

© Юшкевич С. С., 1922

© Public Domain, 1922

Семен Соломонович Юшкевич

Ночная бабочка

В сущности, было два Владимира Петровича. Один, которого знали товарищи, просто знакомые, возлюбленные, был приятный Владимир Петрович, Володя, с ровным характером, лет тридцати пяти, с карими хорошими глазами, с густыми, каштановыми усами и полными, вкусными губами.

Другой Владимир Петрович был очень мало похож на первого. Другой, в отличие от внешнего Владимира Петровича, был всегда тоскующий, дико мнительный, испуганный человек. Этот безумно боялся смерти и верил, что с ним рано или поздно приключится нечто трагическое, нечто такое, от чего следовало бы, если бы воли хватило, заранее наложить на себя руки. Он и мысли не допускал, что умрет как какой-нибудь Иван Иванович, да и из гордости не хотел бы этого. Но и трагического конца он не желал, и потому вечно мучился и придумывал картины своей смерти. Он любил представлять себе последнюю секунду, последний миг перед тем, как дух покинет его тело. Рисовал он себе эту страшную минуту так: в глухую ночь, оставленный сестрой, дежурившей подле него, бессильный, чтобы позвать на помощь, он вдруг увидит Ее, свою смерть, затрясется от страха, и захочет убежать куда-нибудь, спрятаться от нее. Непременно вспомнит какого-нибудь своего приятеля, какого-нибудь Ивана Ивановича, который сейчас безмятежно храпит дома, или играет в карты в гостях, и станет горько и обидно, что ему хорошо, а он, Владимир Петрович, в муках умирает. И тогда он почувствует, что ему не хватает дыхания, начнется агония, которую всю жизнь никак не мог себе представить, будет хвататься скрюченными пальцами за кровать, на лбу выступят холодные капли пота и выпучатся глаза. И конец. И больше не будет в мире Владимира Петровича. А в это время повсюду Иваны Ивановичи будут наслаждаться жизнью, точно так же, как и он наслаждался ею, когда другие умирали...

Единственное спасение от такого будущего Владимир Петрович видел в самоубийстве. Из всех способов он облюбовал один, и представлял себе дело так: в какую-нибудь темную ночь он выйдет за город, где проходят поезда, впрыснет себе большую дозу морфия, и когда начнется действие яда, положит голову на рельсы и станет ждать, пока какой-нибудь ночной товарный или экспресс не отрежет ее. Разгоряченное воображение рисовало ему, как он лежит ничком на земле, и он испытывал жалость к себе. Раздается глухой шум приближающегося поезда. Владимир Петрович даже слышал тяжелое сопение железного чудовища... Вот оно в пятидесяти шагах от него... в тридцати... в десяти... и вдруг ощущение нечеловеческой боли в шейных позвонках. В отделившейся голове рот раскрывается два, три раза, как у зарезанной курицы... Тело извивается в судорогах... Черт с ним... лишь бы смерть перейдена. Не будет больше мучить...

У женщин Владимир Петрович пользовался большим успехом, и потому не женился. Может быть, оттого он и любил женщин, что с ними забывалось о смерти, что навязчивая идея не смела переступить порога любви. И он не мог бы назвать года, когда у него не было бы романа с женщиной или с девушкой.

Влюблен он был и сейчас в одну очень молоденькую, хорошенькую девушку, кончавшую гимназию. Ее звали Сюзи. Она была высокая, стройная, худощавая. Прелестно было ее продолговатое, еще не сформировавшееся, полудетское, полуженское лицо, прелестны были ее толстые, темные косы, небрежно закрученные на голове, и бледные, холодные руки с длинными тонкими пальцами. И Владимир Петрович иногда думал, что если бы судьба послала ему счастье умереть в ту минуту, когда ее головка лежала на его плече, он простил бы саму смерть и то страшное, что мучило душу всю жизнь.

Произошло это в начале весны. Владимир Петрович сидел у себя в кабинете у окна и перечитывал «Первую любовь» Тургенева. Потому ли, что он был влюблен в Сюзи, а может быть и потому, что его привлек в старинном переплете том Тургенева, которого Владимир Петрович давно не читал, но раскрыв книгу наугад и пробежав несколько строк, начал рассказ сначала. Во время чтения он иногда недовольно качал головой.

В комнату вливались густыми потоками синие сумерки, и когда Владимир Петрович кончил рассказ, было уже почти темно. Все краски потускнели, углы затянулись коричневой тенью, и только у окна еще чуть брезжил желто-сиреневый свет.

Владимир Петрович закрыл книгу, выглянул на улицу, полюбовался игрой последних закатных красок на небе и, от неожиданно пришедшей мысли, сладко вздрогнул. Через час он встретится с Сюзи и сегодня уж непременно страстно обнимет ее.

Сюзи молча отвернет голову, он увидит ее нежный, продолговатый профиль и пожалеет девичий стыд, но подумает про себя: «Не я, так другой..».

«Как все в жизни пошло и торжественно, – опять подумал он, – и я, в сущности, подлец».

«Не я, так другой», – успокоил он себя снова.

«Однако, – вспомнил он прежнее недовольство, тихо грызшее его и сейчас, – странно, что Тургенев совершенно не тронул меня. Когда-то я восхищался его „Первой любовью“, а теперь рассказ мне показался мармеладом для детей. Нет, Тургенев не большой талант, его переоценили. Да, лучше классиков и не перечитывать. Бог с ними».

Он посмотрел на часы, покачал головой и начал одеваться. Вдевая запонки в свежие, отливавшие желтизной от электрического света, манжеты, он опять подумал, что сегодня непременно прильнет к девственной груди Сюзи, и, как прежде, сладко вздрогнул. Он очень отчетливо увидел ее лицо в профиль, и ему показалось, что он никого еще так не любил, как эту милую девушку.

На улице, идя вразвалку и раскланиваясь со встречными знакомыми, он был уже первым Владимиром Петровичем, и его радовало нежно-зеленое, весеннее небо, воздух прохладный, но уже пахнувший молодым солнцем и разбуженными к жизни травами полей.

Темнело быстро и незаметно, как обыкновенно темнеет в апреле. Электрические фонари приветливо зажглись вдали. На высоких угловых домах утих буйно веселый крик недавно прилетевших птиц... Но на деревьях, уже пустивших почки, еще раздавался их нежный писк... Владимир Петрович поднял голову и в безотчетном блаженстве от ожидания свидания, от этого зеленого неба, от нежного, как жалоба, писка, снял шляпу. Толпа увлекла его дальше, и он пошел со шляпой в руке, забыв, что ее нужно надеть...

В парикмахерскую он вошел, еще чувствуя умиление, но уже озабоченный. Осталось всего полчаса до свидания. Какой-то господин с намыленным лицом, увидев его в зеркале, весело крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.